

Московскую оппозицию сильно беспокоит резкий рост популярности Владимира Путина...

Александр Ржешевский, кандидат экономических наук

ВОССОЕДИНЕНИЕ КРЫМА И РОССИЙСКИЕ «ПИНГВИНЫ»

КРЫМСКИЕ СОБЫТИЯ НАРУШАЮТ КАКИЕ-ТО ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПЛАНЫ
В ОТНОШЕНИИ РОССИИ...

М

ассив информации в связи с воссоединения Крыма с Россией колоссален. Не менее огромен вал суждений и оценок этого события. Логические конструкции при этом разные, оценки, естественно, тоже разные, в том числе и диаметрально противоположные.

Наиболее понятна, конечно, позиция (т.е. и логика и оценка) большинства россиян (в том числе жителей Крыма). Одобрение, восторг, ликование. Хотя за

восторженными отзывами далеко не всегда чувствуется понимание неизбежности каких-то издержек, необходимости дополнительных усилий от каждого россиянина, необходимости повышения мобилизационной готовности, реальной способности противостоять негативной — и, как оказалось, прямо враждебной — реакции многих наших партнеров и т.п.

Менее понятна позиция Запада. Здесь поражает тупая односторонность, ибо при оценке сложнейшего многофакторного явления сознательно рассматривается один единственный фактор и столь же сознательно и упорно игнорируются все остальные, закрываются глаза на совсем недавние прецеденты. Не вполне ясна причина такой обструкции. Неужели все тот же фантомный страх перед СССР!? Но ведь достаточно очевидно, что сколь бы не восстанавливала Россия свои естественные границы — а максимум речь могла бы идти о нескольких восточных и южных областях Украины, никакого принципиально нового качества Россия бы не получила: в рамках капиталистической миросистемы Россия обречена в обозримой перспективе оставаться на ее периферии, будь она даже в границах СНГ.

Во всяком случае, гипотетический прорыв России на более высокий уровень явно не связан с расширением ее границ. (Ни одна из стран, совершивших за последние 200 лет качественный скачок в своем развитии не осуществила его благодаря приращению территории; при этом, напротив, самые яркие примеры были связаны с потерей территорий. Попутно также заметим, что даже в отношении восточно-украинских областей ситуацию достаточно легко успокоить нормальным законом о языке, наделением регионов чуть большими правами и маргинализацией фашистов.)

Запад по-прежнему имел бы возможность выкачивать из России ресурсы, делать все что угодно вдали от российских границ (как в Ливии и Ираке), и лишь немногим считаться с Россией при реализации силовых решений в близких к ее границам странах (Сирия, Иран). По сути, для Запада ничего бы не изменилось.

Жесткая, единодушная, и откровенно враждебная позиция Запада заставляет предположить, что крымские события нарушают какие-то долгосрочные планы в отношении России, причем такие, которые Запад пока еще не решается озвучить. Иное объяснение просто противоречит нормальной логике.

Это предположение можно подробно аргументировать, но в данном случае особый интерес представляет даже не позиция большинства россиян (абсолютно понятная) и стран Запада (понятная в основных чертах). Удивляет позиция тех граждан России, которые прямо или косвенно выступают против присоединения Крыма.

Впрочем, мнения прямых агентов влияния (а их в России немало!) не так интересны: агент он и есть агент, его мнение по определению совпадает с мнением патрона.

Действительно поражает именно косвенное осуждение со стороны граждан, вроде бы не относящихся к данной «славной» подгруппе. Эти критики обычно не акцентируют вопрос на «нормах международного права», ибо понимают, что в России люди, даже не будучи специалистами в подобных вопросах, печенкой чувствуют реальный контекст практической реализации этого права Западом (особенно после прецедента с Косово).

А также прекрасно знают (в отличие от большинства американцев) всю предысторию с Крымом, аннексия которого Россией действительно имела место... 243 года назад, т.е. еще до образования США.

Критически настроенные публицисты используют две группы аргументации.

Первое: вся история с Крымом поднимает рейтинг авторитарного режима, отвлекает народ от борьбы с коррупцией, от усилий по модернизации страны. Тут действительно трудно что-либо возразить: действительно рейтинг поднимается. Но, с другой стороны, любой успех поднимает рейтинг руководства; что же теперь, жить по лозунгу «чем хуже — тем лучше»? Да и на счет того, отвлекают народ подобные успехи, или напротив, мобилизуют, — это еще вопрос, ответ на который на самом деле зависит от многих факторов.

Вторая группа аргументов — описание всех негативных последствий, связанных с санкциями, с международной изоляцией (частичной) и т.п. И тут ведь возразить нечего: негативных последствий (в т.ч. и весьма серьезных) действительно навалом.

Впрочем, сама по себе бесспорная весомость аргумента вовсе не означает его решающего значения. Более того, бывают ситуации, когда иной даже весомый аргумент на самом деле всего лишь играет роль подлежащего учету — но не влияющего на принятие решений! — негативного фактора.

На самом деле возразить на весомый аргумент действительно нечего (или почти нечего) только если рассматривать ситуацию исключительно в рамках двух упомянутых аспектов. Между тем таких аспектов гораздо больше, и их анализ является отдельной большой темой. Выделять какую-то одну сторону вопроса конечно можно, но добросовестный публицист должен это специально оговаривать.

Вот и я специально оговариваю свое намерение акцентировать внимание на одном аспекте, почему-то редко упоминаемом в нашей печати. Он не касается ни международного права, ни истории, ни последствий для экономики Право затрудняюсь, как его лучше назвать

или обозначить. Здесь ведь имеет место весьма специфическая ситуация, при которой оценивается решение, принятое, с одной стороны (для внешнего наблюдателя), в условиях свободного выбора, а с другой (для принимающего решение), в условиях его отсутствия.

Для пояснения попробую привести пример из совсем другой области, обыкновенный житейский пример, для которого, с одной стороны, оценка ситуации была бы вполне очевидной, а с другой, легко просматривалась бы аналогия с крымским случаем.

Итак, некий гражданин становится свидетелем, как трое бандитов избивают его друга (брата), или пытаются изнасиловать его сестру; полиции поблизости нет и дожидаться ее нет смысла (не такая уж фантастическая ситуация). Оценим ситуацию в плане тех действий, которые должен (или не должен) предпринять гражданин.

У бандитов явное преимущество. Вмешательство в драку повлечет явные «санкции» - от битой морды (как минимум), вплоть до ... (перечислять можно долго). Возможные положительные последствия: есть небольшая вероятность облегчения участи избиваемого друга (брата,...).

То есть, с одной стороны, стопроцентная гарантия «санкций», с другой, небольшая вероятность облегчения участи...

С одной стороны, выбор есть: можно пройти мимо, можно попытаться вызвать полицию, можно попытаться устно урезонить бандитов, можно напасть на них. Любой бухгалтер подведя баланс вынесет заключение о нецелесообразности вмешательства. Однако в реальной жизни 90% граждан сочтут, что выбора у них нет, и ввяжутся в драку, даже осознавая неизбежность «санкций».

В чем причина столь нерационального поведения? Конечно, даже с точки зрения бухгалтерии мы сильно укрупнили статьи баланса; на самом деле в пользу вмешательства говорят и некоторые в текущий момент неявные, но в перспективе, вполне возможные последствия.

Невмешательство усиливает позиции криминала и приводит к повышению вероятности дальнейших подобных эпизодов, в том числе и в отношении самого гражданина.

Впрочем, согласитесь, подобные «мелочи» в решительный момент в расчет не берутся. А что же тогда берется в расчет, почему гражданин поступает вопреки очевидным результатам «баланса»? Да потому, что нормальный человек в подобной ситуации руководствуется не расчетом, а категорическим императивом! Бьют брата – сомненья прочь – в атаку! Иначе – потеря лица, потеря чести. Подчеркиваю, подобным образом в реальной жизни поступает 90% граждан. И даже, если человеку не удается выручить друга, и сам он покалеченный вынужден еще долго восстанавливать свое здоровье, все понимают, что другого выхода просто не было.

Вот, наконец, мне и удалось обозначить тот самый другой аспект крымской коллизии: КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ БЫЛ, а, следовательно, ВЫХОДА ДРУГОГО У РОССИИ НЕ БЫЛО! А потому, вся бухгалтерия, при всей ее важности, должна остаться уделом бухгалтеров, а попытки сделать ее предметом публичной полемики приводят к подмене фундаментальных категорий эпохального масштаба, категориями узкоспециализированными и краткосрочными. Иными словами экономист вправе, и даже обязан, на своем экономическом форуме анализировать последствия карательных санкций, не забывая, правда, о временных рамках и перспективных плюсах воссоединения Крыма. (Также и травматологу на форуме в институте Склифасовского правомерно анализировать последствия тех или иных травм, вне зависимости кто и при каких обстоятельствах их получил.)

Но даже экономисту – если он выносит свою бухгалтерию на широкий общенародный форум, не следует представлять свои соображения вне главного контекста событий глобального процесса, имеющего многофакторную природу и развивающегося в масштабе многих столетий.

Кстати, интересно было бы ознакомиться со сценариями развития событий, в случае, если бы Россия, уважая суверенитет Украины и прислушиваясь к настойчивым советам вашингтонского обкома, отказала бы в поддержке чаяний крымчан. Представляется, что даже самый благоприятный – с точки зрения бухгалтерии (не говоря уже об иных аспектах) – из таких сценариев был бы намного ущербнее того, который разыгрывается в реальности. ▲

Жесткая, единодушная, и откровенно враждебная позиция Запада заставляет предположить, что крымские события нарушают какие-то долгосрочные планы в отношении России, причем такие, которые Запад пока еще не решается озвучить. Иное объяснение просто противоречит нормальной логике...